

Шум ветра в ветвях огромных деревьев

Осень приходит очень громко, с шумом ветра в ветвях огромных деревьев.

Иногда бывает, что граница между летом и осенью почти незаметна, только солнце становится ласковым, освежающий ветер останавливается, все замирает, и серебряные паутины путешествуют в прозрачном воздухе, приликая к лицу, одежде.

В этом году не так. В этом году осень буквально обрушилась на наш городок. Я вижу, как желтые листья вместе с каплями косога дождя летят по переулку. Ветер сильно шумит, это уже настоящий ураган. Небо тяжелое, оно словно опустилось, в нем быстро движутся, клубятся темно-серые облака.

Старый дом напротив, с круглым чердачным окном, потускнел, потемнел от влаги. В некоторых местах у него обвалилась штукатурка, а старая изгородь почти лежит на земле.

«А что если выйти сейчас на улицу?» - приходит мне в голову нелепая идея.

«О, нет, - это так не мудро!» - отвечаю изнутри сама себе.

Из-за угла показывается высокий человек. Против ветра, по мокрому тротуару с трудом идет, согнувшись, местный врач. Герман Михайлович идет без зонта, его голову защищает лишь старая зеленая кепка. Одной рукой он прикрывает глаза, другой прижимает к себе знакомый всем жителям городка коричневый кейс с чудодейственными таблетками, каплями и мазями. Герман - единственный специалист, который согласился заменить прежнего врача, умершего два года назад. Когда Герман приехал в Тихую Заводь, ему было всего двадцать семь; до этого он жил и учился в областном центре. Для местных жителей и меня в том числе - загадка, почему он согласился постоянно работать у нас, быть здесь, с нами.

Я предполагаю, куда спешит Герман Михайлович. Мне так жаль его, в сумерках прорывающегося через ураган. Но у Мельниковых очень больной ребенок. Во время приступа он может умереть, если врач не успеет на помощь.

Герман скрывается за углом, а огромные липы и тополя шумят все громче и угрожающе тянут к нему свои черные ветви.

Внезапно ко мне приходит желание открыть окно хотя бы на минуту, и впустить ветер в комнату, позволить ему дуть прямо в лицо.

Но я понимаю, что боюсь этого ветра, что не хочу ощущать прикосновение брызг к нежной коже.

Я сажусь в глубокое большое кресло, которое так люблю и откидываюсь назад. В глазах по-прежнему стоит картина ненастья и врача, идущего к больному. Ведь Герман мог придумать множество отговорок, чтобы остаться в своем уютном домике в такую погоду: «Жду звонка из райцентра», «Температуру», «Еду в Красные Зори» * - именно так отвечал покойный Иван Сергеевич Никаноров на просьбы людей, если по радио обещали ураган или метель. Однажды, именно в такой ненастный вечер Мельников старший брел ни с чем от Никанорова по нашему переулку, вытирая лицо то ли от брызг дождя, то ли от слез.

«Этот лентяй Никаноров думал только о себе, но Герман забывает о себе и всегда идет туда, где он нужен», - размышляю я, - «И он никому не отказал даже в ураган».

Вот на такие высокие темы я рассуждаю сама с собой, сидя в любимом кресле. Старинные часы на стене ровно тикают, мягкий желтый свет люстры с подвесками из чешского стекла разливается по комнате.

А ветер по-прежнему завывает там, в переулке, раскачивая деревья, устрашая жителей городка своей разрушительной силой. «Только наш врач не боится урагана. Он не только говорит, он и живет как настоящий христианин. Мужественный... и еще... красивый...»- думаю я, и блаженная улыбка появляется на моем лице...

СТОП.

Внезапно чувство сильнейшей досады наполнило меня изнутри, сжало грудь. Сердце словно остановилось на несколько секунд.

«Иисус» - вскрикнула я, - и не узнала собственный голос. Его звучание разрушило умиротворение, окружающее меня.

«Иисус мой, прости меня! Господи, ведь люди гибнут, а я ничего не делаю, чтобы они узнали о спасении. Господи, я так боюсь гонений, испытаний. Отец мой, я уже так привыкла к комфорту! Но я знаю, что Ты не такой жизни хочешь для меня. Не чтобы я пряталась тут, Господи! Прошу Тебя, дай мне любовь к людям, Иисус, помоги рассказывать другим о Тебе, переступая через свой страх, свой уют... Я хочу помочь им, Господи! Пожалуйста, Иисус, Ты мой Бог...» Я молилась в слезах, я съежилась в кресле, мне были противны эти обои в цветочек, и эта люстра с подвесками, и комод прошлого века -, моя гордость, и даже любимое кресло с шерстяным зеленым покрывалом. Меня раздражало тиканье часов. Все это стало такой мелочью по сравнению с тем, что я осознала в тот момент.

Я поняла, что в такой же степени, как уютно и надежно устроилась в своей квартирке на улице Липовой, так же крепко я срослась со своей репутацией добродушной учительницы, и просто хорошего человека.

И так же, как время от времени возникает желание выйти на улицу в ураган, мне иногда хочется пренебречь этими «достижениями», моими «сокровищами», и всем подряд говорить: «вы не спасетесь без Иисуса Христа», «Вам нужен Иисус Христос», «Вы погибнете в аду, если не покаетесь» ☞ так же, как несмотря на эти порывы я остаюсь в зеленом кресле, я продолжаю молчать о Том, Кто есть Истинный Бог, и жить размеренной, тихой жизнью.

☞ в изнеможении засыпаю в любимом кресле, полная трепета, и нетерпеливого ожидания завтрашнего, нового, особенного дня, когда горячий огонь Божьей любви будет полыхать в моем сердце, когда Благая весть будет течь из моих уст как живая вода ✨ Я засыпаю, чтобы, проснувшись утром, сказать больше себе, чем Богу: «Сколько всего нужно сделать сегодня, весь день загружен. Господь, Ты всё понимаешь, мой дорогой Иисус...»

2009?

*Анна Артеева
May 11, 2014*

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/9041>

© Copyright 2024, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com